

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМАМ ЦИТОЛОГИИ
ИНСТИТУТ ЦИТОЛОГИИ

А. А. ЗАВАРЗИН

ТРУДЫ
ПО ТЕОРИИ
ПАРАЛЛЕЛИЗМА
И ЭВОЛЮЦИОННОЙ
ДИНАМИКЕ
ТКАНЕЙ

(к 100-летию со дня рождения)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1986

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ Ю. А. ОРЛОВА О ПЕРМСКОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ, НАУЧНОЙ, ОРГАНИЗАЦИОННОЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. А. ЗАВАРЗИНА

А. А. Заварзин в Перми (1916—1922)

Почти всякие воспоминания в той или иной мере субъективны. Тем более когда они относятся к периоду собственной молодости, а значит и к невозвратному прошлому, в котором многое мило и дорого. Тем не менее они могут всегда послужить биографическим материалом о людях, с которыми автор воспоминаний был связан многим. Поэтому может представить интерес и то, что вспоминается мне по поводу первых лет моей работы с Алексеем Алексеевичем.

Летом 1916 г., после перехода на последний курс Университета, ко мне пришла из Петрограда открытка от А. В. Немилова, получившего приглашение на профессию по гистологии в открывавшееся тогда Пермское отделение Петроградского университета. А. В. Немилов предлагал ехать к нему ассистентом в Пермь; он писал о том, что туда собираются ехать Ю. А. Филипченко, Д. М. Федотов, В. К. Шмидт, как он писал, «вообще порядочный и деловой народ».

В это время я был занят изготовлением каких-то черепов и другими зоологическими делами. Вначале я обрадовался столь лестному предложению, но потом решил, что слишком зелен для ассистентуры и что по приезде осенью в Питер откажусь от этого предложения. А. В. Немилов в это время поехал в Пермь для знакомства на месте с общей обстановкой и перспективами работы.

Приехав осенью в Петроград, я пошел с отказом к Немилову. Он сообщил мне, что и сам решил не ехать, так как обстановка будет провинциальная, будет много хлопот, а возможности серьезной научной работы в Пермском университете он не видит. На этом я и успокоился. Через несколько дней мои товарищи мне сообщили, что меня разыскивает А. А. Заварзин.

Вскоре я встретился с ним в университетском коридоре у входа в «анатомио-гистологический кабинет». Алексей Алексеевич широко улыбался и обратился ко мне со словами: «Черт побери! Наконец-то я вас нашел, доктор!». Он повел меня к себе в кабинет, в котором работал вместе с А. А. Немиловым, и предложил ехать с ним ассистентом в Пермь; он решил поехать туда на кафедру гистологии в связи с отказом А. А. Немилова, которого он за отказ от Перми жестоко бранил. Алексей Алексеевич и слушать ничего не хотел о моих сомнениях в пригодности для ассистентуры. Ему хотелось уехать в Пермь, по его словам, и потому, что в провинции можно развернуться и создавать что-то новое, и потому, что в провинциальных условиях можно сосредоточеннее и продуктивнее заниматься наукой, можно работать над созданием нового университета и очага науки. Он приводил примеры Казанского, Харьковского и других наших университетов, называл имена крупнейших ученых, которые там развились и выросли.

Многое в его словах было тогда для меня увлекательно, но не совсем убедительно: ведь как же можно оспаривать правильность того положения, что в провинции меньше необходимой научной литературы, меньше научного общения и всяческой культуры вообще, чем в столице, и т. д., и т. д.

Я колебался. Не помню как, но кажется по просьбе самого же Заварзина я зашел по этому смущавшему меня вопросу к профессору В. А. Догелю. Он стал уговаривать меня ехать, не колеблясь. «Алексей Алексеевич талантливый человек, за ним вы никогда не пропадете» и т. д., говорил В. А. Догель. То же самое мне сказал впоследствии главный учитель и шеф А. А. Заварзина профессор А. С. Догель. Суровый «старый Догель», на прощанье даже поцеловавший меня. Я сообщил Алексею Алексеевичу в конце концов что «попробую» быть у него ассистентом, но с непременным условием сообщить мне о моей непригодности, буде это выяснится, чтобы я мог немедленно ретироваться. Алексей Алексеевич успокоил меня, сказав: «Немедленно вышибу». Алексей Алексеевич просил меня найти еще в качестве второго ассистента моего товарища по университету В. Н. Доброва. Но у Доброва были запущены экзамены, и он ехать не мог, у меня же оставались лишь государственные экзамены — весной 1917 г.

А. А. Заварзин спешно ликвидировал свои дела, торопясь ехать в Пермь к открытию университета. Мне почему-то особенно запомнилась одна встреча с Алексеем Алексеевичем на набережной около университета. А. А. был в своем зеленовато-сером летнем пальто, в мягкой шляпе, улыбающийся, радостно настроенный и всячески подбадривал меня. По его представлению я был откомандирован университетом на год в «Пермское отделение Петроградского университета» для несения обязанностей ассистента по кафедре гистологии. А. А. Заварзин перед отъездом дал мне ряд поручений по добытию реактивов и оборудования и уехал в Пермь, насколько помню, около 1 октября.

Из анатоми-гистологического кабинета нам были выделены (первично, кажется временно) 6 «пушек» — старых микроскопов Зейбета без кремалера, кажется 2 микротомы, кое-какие реактивы, в частности, «проверенная» метиленовая синька. Кое-что было куплено в магазинах. Старые сторожа Василий Зверев и Василий Евтух упаковали все это в ящики, и наше первичное оборудование поехало в Пермь. Перед отъездом я получил от А. А. Заварзина письмо, в котором он писал: «Захватите на всякий случай полсотни лягух». Лягушек мне упаковали в небольшой ящик, в котором было просверлено коловоротом несколько крупных отверстий для воздуха; по дороге в вагоне, ночью, несколько лягушек выскочило, в поезде был переполох, вызван проводник; я слышал, как кто-то пояснял, что лягушки «заводятся от сырости, что их, слышь, во Франции едят и наверно в вагоне едят француз...»

Я уехал в Пермь, получив теплые напутствия от А. С. Догеля, В. А. Догеля и В. М. Шимкевича. В Пермь я прибыл в первых числах октября. Поезд пришел поздно вечером, я долго ехал в темноте на извозчике по какой-то бесконечной улице пока, наконец, добрался до квартиры А. А. Заварзина. Он жил в это время у отставного лесничего Ивана Игнатьевича Ткаля на бывш. Екатерининской улице, за Осинской. И. И. Ткаль и его жена были в отъезде, как и А. А. Заварзин; он уехал на облаву на зайцев. Меня встретил мальчик лет 15, военнопленный русин. Кажется на другой же день вернулся с охоты А. А., полный впечатлений от пермской золотой осени, солнечной погоды, местной природы и местных людей, принимавших самое активное участие в устройстве нового университета.

А. А. Заварзин повел меня в 2-этажное новое здание городского училища «имени Кирилла и Мефодия». Училище представляло собою новое, добротное 2-этажное здание с крутыми скатами крыши, на углу Кунгурской улицы, отведенное для кафедр зоологии, ботаники, анатомии человека и гистологии. В большой общей аудитории на втором этаже читались лекции не только по этим предметам, но и по многим другим профессорами разных факультетов. Из них в особенности запомнился профессор М. В. Птуха, впоследствии действительный член Академии наук УССР и член-корреспондент АН СССР. Мне запомнилось, как по поводу каких-то очень крепких выражений А. А. Заварзина по адресу незадачливого помощника ректора по хозяйственной части Птуха сказал: «О це ж гистология». Так потом это «о цеж гистология» всегда говорили, когда слышали крепкие выражения А. А.

При виде больших, чисто выбеленных, но совершенно пустых комнат Кирилло-мефодиевского училища как-то было трудно представить себе, что «это и есть университет», что это и есть начало той большой работы в области науки и изучения природы «обширного прикамского пруральского края», как писалось тогда в многочисленных докладных записках. В этом здании должны были проходить предметы первых двух курсов и медиков и естественников. (Самостоятельного медицинского факультета в то время еще не было; было лишь медицинское отделение на физико-математическом факультете наряду с отделением естественных наук). На первом курсе первого приема 1916 г. было, кажется, около 250 медиков и 150 естественников.

В это время уже делалась по заказам заведующих кафедрами основная мебель. А. А. Заварзин обошел все магазины Перми и перерыл все склады, в которых можно было добыть хоть что-нибудь подходящее для вновь организуемой лабораторий; купил несколько микроскопов в магазинах и у частных лиц и т. д. При немногочисленности микроскопов, привезенных из Петрограда, практические занятия велись на «сводной оптике» всех 4 перечисленных кафедр — гистологии, зоологии, ботаники и анатомии человека. Работы было очень много и по оборудованию кафедр, и педагогической собственно. Все 250 медиков и 150 естественников проходили практические занятия по общему курсу гистологии с изготовлением собственных микроскопических препаратов. На всех учебных столах были наборы красок, для всех студентов нужно было заготовить папки, устроить персональные гнезда в разделенных переборками на клетушки канцелярских шкафов и т. д., и т. д.

А. А. Заварзин прилагал все усилия к тому, чтобы преподавание было на высоте. При единственном не имевшем никакого опыта ассистенте было трудно. Мне запомнилась моя первая командировка за спиртом для всего университета.

Меня направили на винокуренный завод в город Осу, о котором я знал только, что до него доходил со своими отрядами Пугачев. Дело было в самом конце октября, когда по Каме уже поплыли первые тонкие льдины («шуга»). А на обратном пути из Осы, из которой я со своим обозом спирта едва выбрался на пристань из-за совершенно невообразимой, непролазной грязи, пароход, на котором я вез спирт, шел с трудом вверх по течению против почти сплошного уже довольно крепкого льда, обломал себе все колеса и чуть не вмерз в лед около Оханска. А. А. Заварзин, очень встревоженный не только отсутствием спирта, но и пропажей единственного ассистента (о пароходе несколько дней не было никаких известий), уже собрался снаряжать спасательную экспедицию. В конце концов все кончилось благополучно.

Быть может самое трудное в жизни и одновременно весьма важное — правильно оценивать людей. Это требует не только природного ума, умения быть объективным, но и некоторого жизненного опыта. Последний, во всяком случае, отсутствовал у еще не окончившего университет 22-летнего «ассистента». Поэтому мне многое не было понятно в А. А. Заварзине, хотя обычно для меня был достаточно его авторитет, а кроме того, я был привязан к нему и совместной работой, жизнью и его неустанной заботой обо мне. Последнее проявлялось во всем, начиная

от руководителей в педагогике, планов научной тематики (тогда еще планов всего-навсего) и кончал советами при покупке штатского костюма. Ассистент в студенческой тужурке и зеленых диагональных брюках вызывал недоверие у студентов своим внешним видом. Итак, мне было трудно давать правильную оценку А. А. Заварзину, Я работал, как мог; днем сидел без конца за микротомом, а вечерами читал, готовился к весьма почетной для меня деятельности. . . Но другие товарищи А. А. по работе — профессора, ректор университета астроном К. Д. Покровский, местные деятели земства (последнее в Пермской губернии было весьма прогрессивным) — давали А. А. свою оценку. Разные видели в нем разное. Некоторых поражала его непривычная для профессора шумность, резкость, внешняя — наполовину напускная — неуклюжесть. Некоторые, особенно склонные к тихому, сложному существованию и отнюдь не к активной организационной работе, были попросту недовольны его неумной, несокрушимой энергией и настойчивостью, которые он проявлял всегда во всех вопросах, связанных с организацией нового университета. Но были и другие, которые правильно поняли, что перед ними прежде всего ученый и организатор науки в том месте, где ей по географическому местоположению необходимо быть. Они видели в А. А. молодого, пусть неопытного и, может быть, по молодости и темпераменту очень задорного, но бесценного работника и патриота своего университета, которому дороги в новом строящемся храме науки и просвещения и профессора, и студенчество, и вообще все и всё, что любит университет и что нужно для университета. В особенности хорошо относилось к нему молодое, еще без всяких исторически сложившихся своих традиций, пермское студенчество. Как известно, студент, взятый по отдельности, мог быть слаб, плох и т. д. Но студенчество как коллектив всегда было и будет умным, наблюдательным, тонко понимающим профессора коллективным умом. Суждения этого ума бывают большей частью поразительно верны и в случае дефектов преподавателя беспощадны, а в случае хороших качеств по-настоящему хороши. И пермское студенчество с самого начала полюбило и всегда любило ряд профессоров и преподавателей, но, быть может, никого так сильно, как А. А. Заварзина, несмотря на его строгость и требовательность. Обстановка вновь создающегося университета, из которого ввиду его необорудованности многие учащиеся склонны были уехать в другие места, была совершенно своеобразна. Нужно было быть патриотом своего дела и иметь мужество устраивать университет, педагогику, при первой же возможности научную работу и нужно было для успеха дела не только самому любить университет, но и заставить студенчество ценить его, понять, что студенты наравне с профессурой — основатели новой на Урале цитадели науки и культуры. Теперь, по прошествии многих лет, когда в России не 8 университетов (Пермский был 9-й), а несколько десятков и около сотни медицинских институтов, когда имеется несколько академий наук и т. д., все сказанное выше может показаться скучной подробностью. Но тогда это было то, что объединяло профессуру и студенчество и что бодрило в трудной обстановке начинавшейся разрухи тыла и тягостных известий с фронтов мировой войны.

В свою очередь А. А. Заварзин ценил в профессуре и местных людях прежде всего бескорыстное желание сделать все, что можно на пользу университета. Вообще же в своих суждениях он был меток и совершенно беспощаден к тем, кто видел в своей профессуре «тихую пристань», кто был внутренне обывателем, или с самого начала больше думал о том, как бы уйти из Пермского университета в другой город, где легче работа и не нужно думать об устройстве студенческих общежитий, жилья для преподавателей, приобретении оборудования, книг и т. д. Его раздражали тонные журфиксы по субботам, на которые приглашала «ректорша» и на которых ему были тягостны уважаемые разговоры уважаемых дам.

А. А. Заварзин был весь охвачен порывом созидания нового университета и, как мне кажется, расценивал своих коллег прежде с точки зрения пригодности их для этого «боевого задания». Неугомонный и страстный, он был поэтому, может быть, и не всегда объективен в своих суждениях о других людях. Мне самому, тогда заваленному всевозможной работой по первичному устройству лаборатории, в которой не было даже опытного сторожа и в которой А. А. и я работали и как преподаватели, и как загруженные до отказа лаборанты (тогда мы и не слышали о том, что может быть специальный лаборант!), — мне трудно было разбираться во взаимоотношениях А. А. Заварзина с другими коллегами, и на многое я смотрел его глазами.

К этому времени относится ряд эпизодов, вспоминающихся при мысли о Перми. Они незначительны, но, может быть, стоит о них упомянуть.

Прежде всего однажды я чуть не погиб от угара в квартире, где остался жить после выезда из нее А. А. Заварзина на просторную приготовленную для него квартиру на Пермской улице над тогдашним помещением библиотеки университета. Уже был мороз, я с трудом выбрался полаком из своей комнаты на крыльцо, занесенное снегом, отлежался на нем и вернулся в комнату. Пришедший ко мне утром А. А. Заварзин пришел в ужас от моего внешнего вида и немедленно переселил меня к себе в свободную комнату, где я и прожил, кажется, до осени 1917 г.

Как известно, А. А. любил пошутить и побалагурить. Он был один из самых молодых и о. профессора, а в 1916/17 учебном году, как и многие другие, должность профессора он занимал, еще будучи приват-доцентом. Среди молодых профессоров, с которыми он был дружен и объединен общими желаниями скорейшего устройства университета, вспоминаются Д. М. Федотов, занимавший кафедру зоологии, минералог, позднее академик А. А. Полканов, физик Г. Г. Вейхардт. С ними был очень дружен и пожилой, но всегда тянувшийся к молодежи и ко всему живому анатом В. К. Шмидт, прибывший в Пермь, как и Федотов, и Полканов, из Петроградского университета. Очень живо помню, как на масленице 1917 г., после того как от Заварзиных отбыли «отец-ректор» и «мать-ректорша» (она была очень тонкая дама), оставшиеся собрались в моей комнате и начали резвиться. Началось, кажется, с того, что М. И. Заварзина бросила подушкой с моей кровати не то в Вейхардта, не то в химика Ю. С. Залькинда. Началась некоторая возня, которая закончилась трагически. Решено было устроить состязание по сбиванию друг друга, с прыганием на одной ноге с подогнутой другой ногой. А. А. своим плечом чуть не сшиб меня, а я с размаху налетел правой ключицей на косяк с такой силой, что у меня рука повисла, как плеть на 2 недели, образо-

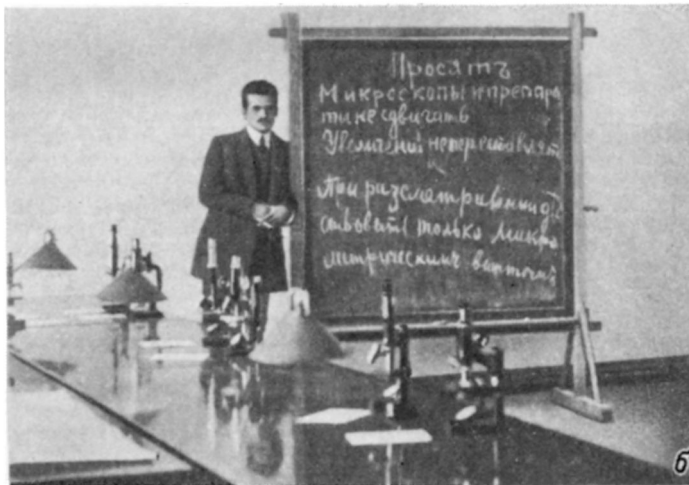
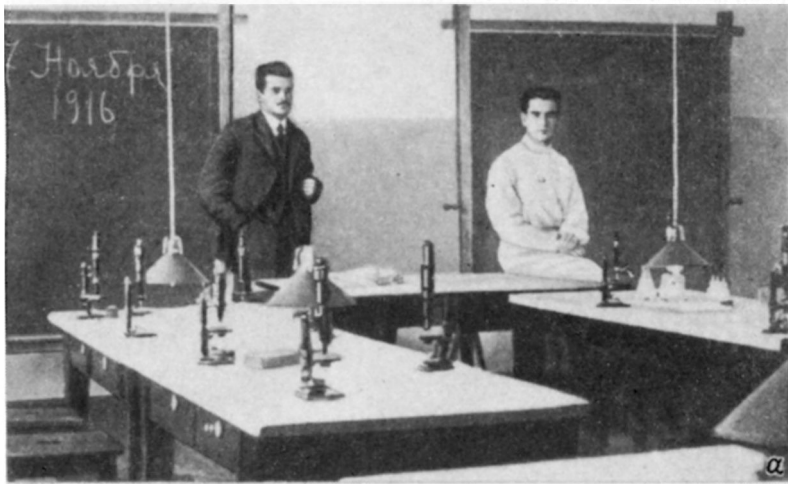

Рис. 35. А. А. Заварзин и Ю. А. Орлов перед первым демонстрационным занятием со студентами (а), А. А. Заварзин перед практическим занятием (б).

валя огромный кровоподтек на правом плече и груди и по данным хирурга на ключице появилась трещина. Две недели с прибинтованной неподвижно правой рукой, рисование мелком на доске во время практических занятий со студентами левой рукой, невозможность работать на микротоме!

Другой комический эпизод с участием А. А. Заварзина произошел в лаборатории. В нее зашли жена ректора, жена вице-губернатора и еще какая-то местная дама, интересовавшаяся тем, «как живут и работают в университете». Я сидел перед анатомической банкой с глицерином, в которой бережно монтировал человеческого зародыша, приготавливая прозрачный препарат по способу Шульце для показа хрящей и точек окостенения в скелете. А. А. окликнула меня, представила посетительницам. Они были очень представительны, в очень парадных шляпах со страусовыми перьями, роскошными боа и с роскошными муфтами. С совершенно невозмутным, серьезным видом А. А. произнес следующее: «Это мой ассистент Юрий Александрович Орлов, а в этой банке его собственный сын, которого он не пощадил для науки...»

Наконец, еще один забавный случай, правда, относящийся к следующему учебному году, когда ряд лабораторий разместился уже в главном университетском здании (первично ночлежный дом, выстроенный Н. В. Мешковым), на заимке, около станции Пермь II. Дело было в лаборатории физиологии растений А. А. Рихтера, которого А. А. ценил в то время за его размах в организационной работе и настойчивости. Опять прыгали на одной ножке петушком. На этот раз Андрей Александрович Рихтер предварительно показывал «молодежи», именно А. А. Заварзину и такому же рослому А. А. Полканову, как надо прыгать. Получив инструкцию, Полканов и Заварзин принялись прыгать, разбили пару ярких электрических лампочек, висевших на блоках, а главное, А. А. Заварзин промахнулся и вместо удара по Полканову с разгону влетел в шкаф с ретортами и колбами, которые с таким трудом в это трудное время добыл где-то Рихтер. Это был в полном смысле слова «слон в посудной лавке». А. А. Рихтеру, который сам же вызвал их на это состязание, пришлось насильно улыбаться...

На весенний семестр перед февральской революцией я уехал в Петроград готовиться к государственным экзаменам. Трудно было делать это по всей обстановке весны 1917 г.; А. А. Заварзин боялся, что я не стану их держать и засыпал меня боядрями, шутивными угрозами, открытками, в которых одновременно хвалил пермскую весну и природу. Вообще говоря, быть может, не все, даже близко знавшие его, представляют себе, как он любил природу и как много значило для него видеть солнце (его так много было в Перми по сравнению с туманным Питером), реку, лес, озера в нем и т. д. Когда я приехал осенью 1916 г. в Пермь, то просто поражен был тем, как сам А. А. был в восторге от золотой осени, окрашенных в пестрые осенние тона кустов и деревьев на лугах на Каме. Да и вправду, там было красиво. Не мудрено, что А. А. отправился однажды в целое путешествие с геологом Павловым, то время ассистентом А. А. Полканова, в верховье Камы и на Урал. Они дошли, кажется, до Кудымкура, было сделано много снимков (А. А. Заварзин) и по возвращении перед довольно большой аудиторией А. А. Заварзин сообщил о своем путешествии, показав эти снимки.

С осени 1917 г. в Пермь приехал вторым ассистентом (старшим) Александр Яковлевич Колачев, которому я был еще больше рад, чем Алексей Алексеевич. Приходилось вести преподавание уже не одному, а двум курсам медиков и естественников, работы было уйма.

Шел второй год моего пребывания в Перми, в которую я поехал ради науки, а науки еще не было видно. У меня в мозгу сидели слова, не помню чьи, о том, что у преподавателя высшей школы пусть лучше немного хромает педагогика, но должна идти наука; высшая школа тем и отличается от средней и т. д., и т. д. Я решил, что надо хоть медицинский факультет кончить одновременно, о чем еще раньше думал, всегда сомневаясь в своей пригодности для теоретической науки. В Перми я закупил анатомических атласов, учебников по патологической анатомии, фармакологии, фармации и т. д. и для начала засел в анатомическом театре за трупом. Работал я много, прошел труп, наделал препаратов даже для музея (по периферическим сосудам), одновременно усиленно готовил препараты по строению головного мозга, работая серебряной методикой. Алексей Алексеевич не сразу разобрался в моих медицинских устремлениях и лишь весной 1918 г. вернее даже летом, когда я продолжал свои упражнения по мозгу на только что открытой биологической станции Пермского университета в Нижней Курье, спохватился. Его разговоры со мной по силе убедительности и выражений превзошли самое пылкое воображение. Мне была дана тема, вытекавшая из собственных наблюдений Алексея Алексеевича — нервные окончания на мышцах насекомых. Про запас моему вниманию были предложены некоторые другие темы. И летом 1918 г. появились первые препараты, с которых начиналось, наконец-то что-то вроде науки. В это же время приехал третий ассистент А. А., взятый им по моей рекомендации, — Е. С. Данини. Он приехал худой и тощий из довольно голодного в то время Петрограда, и я живо помню, как всех нас перьяком поразила бережность, с которой «Данина» снимал с длинного женского волоса, вытасченного им из черного хлеба, крошки хлеба и ел их. В это время и в Перми с продовольствием было не просто.

Надвигался фронт гражданской войны на Урале — было тревожно.

Как-то темным августовским вечером Б. В. Властов, В. С. Порецкий и я засиделись довольно поздно на Биологической станции. Вдруг раздался конский топот и почти сейчас же вслед за этим громкий стук в ворота: «Немедленно отворить для постоя!» Большой отряд кавалерии прискакал из Перми и располагался по дачным домам; от Биологической станции в Нижней Курье, на которой в то время работали почти все университетские биологи, постой кавалерии удалось «отвести» как от государственного учреждения. Однако на другое утро и на станции был обыск — искали оружие. Но комнаты, заставленные столами с микроскопами и с банками, наполненными живностью, поразили красноармейцев. «Тут и искать-то нечего, все и так видно», — говорили они. Оружия, конечно, никакого не нашли, но у всех обнаружился непорядок в документах. На университетских удостоверениях печати были без советского герба. «Всех вас надо арестовать», — сказал командир отряда и приказал всем нам, кто был тогда на станции, выстроиться на улице в шеренгу. Ни директора станции Д. М. Федотова, ни замещавшего его А. А. Заварзина при этом не было. Заведующий станцией (лаборант по тогдашней номенклатуре для заведующего станцией) Б. В. Властов, а также П. Г. Светлов и другие подошли позднее, возвращаясь с экскурсии. «Вот и командир ихней команды», — сказал комиссар Нижней Курьи тов. Пупов, указывая на Властова. Начальник отряда был в полном изумлении при виде компании и молодых, и пожилых людей, вооруженных какими-то банками, сачками, планктонными сетками. А. А. Заварзин, Д. М. Федотов, А. А. Рихтер, А. Я. Колачев, Е. С. Данини, сам я, студент Д. Е. Харитонов, позднее профессор в Перми, и несколько других, довольно «послеэкскурсионно» выглядевшие, мокрые и грязные произвели на отряд странное впечатление.

Пупов не любил Биологическую станцию, считал ее «буржуйской затеей» и, надеясь на то, что ей пришел конец и что можно будет взять здание для других дел, все время подуживал командира отряда. Но острота положения вдруг неожиданно смягчилась. «Когда у Вас начало занятий в университете? — неожиданно спросил командир отряда, — я тоже подаю заявление на прием». Разговор сразу перешел на «академические» темы, и нас всех отпустили с миром.

Осень 1918 г. была неуютная, голодная и холодная, но она была уже в обстановке сработанности университета с новым советским строем, а предыдущая осень непосредственно после октябрьского переворота еще была полна неразберихи, так как профессура разделилась на два лагеря. Один из них, к которому принадлежали А. А. Заварзин, Д. М. Федотов, А. А. Рихтер, А. А. Полканов, Ю. С. Залькинд, А. А. Фридман, Н. П. Оттокар, Б. Л. Богаевский, М. З. Птуха, Г. Г. Вейхардт и ряд других прогрессивных профессоров, безоговорочно заявил о своем признании новой власти, о необходимости немедленного вступления с нею в деловой контакт и совместной работы по дальнейшему развитию университета. Противниками были, помнится, бывший лейб-медик патологоанатом Коровину, кажется, лейб-медик Деревенко и еще кто-то, фамилии их не помню. Не помню также (да многого я и не знал) подробностей этой борьбы двух партий в своем университете, она была весьма кратковременна.

Осенью 1918 г. к Алексею Алексеевичу и ко всем нам на помощь приехал новый ассистент Ф. М. Лазаренко, впоследствии чл.-кор. Академии медицинских наук. Гистологическая лаборатория,

Рис. 36. А. А. Заварзин за работой в лаборатории.

в то время уже довольно большая, хорошо оборудованная, разместилась в главном здании университета по Заимке. Работы по усовершенствованию лаборатории было много, и работали мы очень дружно. Хвалиться нехорошо, но только теперь, когда прошло так много лет и когда лишь сам я остался в живых из первых ассистентов А. А. Заварзина (А. Я. Колачев умер в 1920 г.), — только теперь можно оценить работу этих четырех помощников А. А. Заварзина, ему безгранично всегда преданных, его любивших и им воспитанных. А воспитывал он нас так, как может воспитывать только хороший отец, первоклассный учитель и первоклассный педагог.

Ф. М. Лазаренко внес много тепла и уюта в нашу жизнь. На редкость хороший товарищ, он еще больше сплотил нас в дружную компанию, лозунгом которой было — все за одного, один за всех. Его хозяйственность и техническая сметка очень помогли устройству лаборатории: то классная доска из больших толстых листов матового стекла, которые он неизвестно откуда добыл; то портреты ученых, для рисования которых он приспособил какого-то художника из психиатрической лечебницы, выдавшего виды, учившегося в Италии и т. д., но который под конец жизни попал в психиатрическую больницу; то какие-то стеклянные банки и посуда всех сортов и разборов, добывавшиеся им из каких-то никому неизвестных складов; то разные усовершенствования в педагогике, которая, кстати сказать, нашими общими усилиями под постоянным присмотром самого А. А. Заварзина была поставлена весьма обстоятельно. Всегда вспоминаются длинные вечера, когда мы либо сидели в нашей так называемой «детской» (ассистентская) или в комнате для практических занятий, подготавливая демонстрацию каких-либо препаратов и рисунков к ним. Лазаренко затягивал какую-нибудь песню, либо шуточную на похоронный мотив, либо еще какую-нибудь; остальные подтягивали. Впрочем, от Данини и от меня, безголосых, толку было мало; петь могли в сущности только Федор Михайлович и Алексей Алексеевич.

Шел третий год существования Пермского университета, ставшего самостоятельным еще с весны 1917 г. Надо было налаживать клиники для медиков 3-го курса, добывать профессию — все это в обстановке разрухи и полуголодного существования было трудно. У А. А. Заварзина в это время на руках была вся его большая семья: жена, двое детей, отец и мать, сестра, братья. А кроме того, целая куча людей, вечно обращавшихся к нему за помощью по самым разным делам. Бесхлебца, гнилая картошка, оборванность, потеря почтовой связи с близкими из-за возникавших в разных частях России малых и больших фронтов — все это выводило из равновесия, дезориентировало многих. Я скис. В самом деле: сыт только тогда, когда случайно поешь толком, в рваной, вечно мокрой обуви, в почти нетопленной лаборатории с холодным асфальтовым полом; с наукой почти ничего не клеится, несмотря на героические усилия. Какой смысл значить ассистентом университета, раз фактически только преподаватель? Я сообщил Алексею Алексеевичу, что не вижу большого смысла в дальнейшем пребывании в университете и думаю уехать учителем в деревню. Дело в том, что в это время я и мой товарищ, в то время ассистент по анатомии Б. С. Степанов, взятый профессором В. К. Шмидтом по моей рекомендации, встретились в Перми с нашим товарищем детства лесничим В. И. Калининным. Он жил в с. Карагае на реке Обве, куда мы и ездили со Степановым на воскресенье, в ноябрьские праздники и т. д. Оттуда же я привозил в лабораторию личинок жуков-носорогов, а также большие корзины с переложенными мхом лягушками для лаборатории. Там было тепло и сытно. Теперь мне неловко вспоминать об этих «истериках» по адресу Заварзина. Он сам в это время ходил довольно тощий, но, конечно, по-прежнему могучий духом. Одно время я дошел до такой степени измотанности, стал так дерзить и грубить Алексею Алексеевичу, что однажды он сказал мне: «Слушайте, доктор, нельзя ли, черт вас побери, полегче на поворотах?». Никуда я, конечно, не поехал и только зря трепал нервы себе и шефу.

Иногда студенты устраивали вечеринки, то в помещении какой-нибудь средней школы, то в студенческом общежитии на мансарде. Но чем дальше, тем эти вечеринки были реже и реже. Вообще же говоря, они были очень приятны своей простотой, молодостью, смехом и весельем. Обычно приглашались наименее чинные со студенческой точки зрения профессора и преподаватели и наиболее любимые, к числу которых всегда относился и А. А. Заварзин.

Но прежде всего нужно было выкручиваться из продовольственных затруднений. Гражданская война на Урале и надвигавшийся фронт нарушили транспорт, связь между Пермью, Сибирью и другими местами. Не помню, как все это организовалось, но мы стали добывать с городской бойни лошадиные кишки. Живое помню, как мы с Лазаренко, Данини и Колачевым везли на санках на квартиру Колачева гигантскую ледяную глыбу, объемом с человека среднего роста. Это был «комплект лошадиных кишек». Эту глыбу мы чуть не с «дубинишкой» втащивали в маленькую кухнюшку квартиры А. Я. Колачева на Монастырской улице против пожарной каланчи. Глыба стояла до утра, оттаивая и наполняя ледяным холодом маленькую кухнюшку. На другой день Данини, Лазаренко, Колачев и я под руководством жены Колачева вскрыли эту гору кишек, долго их мыли, скоблили в воде, резали на кусочки, после чего это в чугунах ставилось в печь. Потом мы это делили и подкреплялись у себя на дому. Этот способ подкормки получал среди нас прозвище «Зав. Ор. Да. Лаз.», по фамилиям участников. Впрочем, семейным или по крайней мере женатым ассистентам жилосо если не всегда легче, то во всяком случае «хозяйственнее». Что касается холостых биологов, в том числе и меня, то они в конце концов образовали коммуны, в состав которой входили П. Г. Светлов, А. О. Таусон, Б. В. Властов, В. С. Порецкий, Е. С. Данини, Н. С. Порецкая и я, студенты Д. Е. Харитонов и В. М. Федотов. Члены коммуны поочередно мешочничали, добывая картошку в деревнях, которую варили на мансардной кухне главного корпуса в жестяных ковшичках. В 1918 г. картошка нещадно гнила, и мы были вечно заняты ее бесконечной переборкой и чисткой.

Поглощенный своими ассистентскими обязанностями, трудностями быта и вольными-невольными поездками в деревню то за картошкой, то за лягушками, я, разумеется, не мог толком разбираться в той большой организационной работе, которую героически вели в это время наиболее энергичные профессора университета. Все же я с любопытством наблюдал, как в это труднейшее время А. А. Заварзин, А. А. Луньяк, А. А. Рихтер, Д. М. Федотов и несколько других совершенствовали лаборатории и создавали новые, как подбирались люди не только из других городов, но и в самой Перми. Здесь на месте было привлечено несколько врачей, в том числе имевших степень доктора медицины, это давало возможность брать их на доцентуру или профессию. Алексей Алексеевич, который всегда считал, что Пермский университет уже одним тем хорош и перспективен, что обоснован географически, на пересечении железной дороги и водной артерии, на отрогах растущего промышленного Урала, говорил, что очень важно включать в состав университета всех пригодных для работы в нем местных людей. На одних приезжих, нередко попадавших в то глухое время в Пермь лишь на время, в порядке гастролерства, университет не построишь. Из этих местных людей я помню профессора В. М. Здравомыслова, бактериолога, доцента при кафедре нормальной анатомии, хирурга Н. А. Синакевича, позднее профессора Иркутского медицинского института, и некоторых других.

Медицинский факультет по сравнению со всеми другими во всяком университете всегда был самый громоздкий, многолюдный и трудоемкий. Клиники, ординаторы, и т. д., и т. д. Правда, в Перми истари было несколько крупных лечебниц, как, например, огромная окружная психиатрическая лечебница и ряд других. Все это давало материал и составляло базу для создания медицинского факультета, но тем не менее это всегда было сопряжено с огромным количеством хлопот и далеко не всегда радовало другие факультеты, меньшие по числу профессоров, преподавателей и, как кажется, несколько косившиеся на крупный, как им казалось, «опухольевый» рост медицинского, первым деканом которого был А. А. Заварзин. А. А. Заварзин нервничал, радовался, кипятился, спорил, ссорился. Не мне судить, кто и когда в этих спорах и ссорах был прав или виноват. Должен сказать, что по темпераменту А. А. Заварзину был подстать и А. И. Луньяк (химик-органик), необыкновенно легко взрывающийся, блестящий по остроумию, умению ориентироваться в обстановке, обладавший совершенно феноменальным знанием всех писанных и неписанных законов и поражавший на заседаниях ученого совета даже юристов этими знаниями. Не менее темпераментным был и сдержанный внешне, холерический и раздражительный, но необыкновенно обаятельный в обращении А. А. Рихтер, приехавший в Пермь из Петроградского университета на кафедру физиологии растений. Рихтер поражал размахом в своих организационных мероприятиях: им не только была создана большая лаборатория по физиологии растений, подобран прекрасный состав преподавателей; позже он проявил себя прекрасным организатором и руководителем как ректор Пермского университета. Эта тройка — Заварзин, Луньяк и Рихтер, — когда работала дружно, могла делать чудеса, и, глядя на нее, можно было учиться тому, как надо работать, и видеть, что такое организационная работа. Когда же они сорились, то это производило впечатление драки слонов, при которой гибнет трава, и, во всяком случае, было видно, как нехорошо ссориться. . . Что касается А. А. Заварзина, то мне запомнились слова В. Н. Беклемишева, в то время еще доцента на кафедре Д. М. Федотова, о том, что с А. А. Заварзиним совершенно невозможно не ссориться, но что это замечательный человек. Однако ссоры и споры А. А. Заварзина всегда имели основной заботу о деле. Люди различны, одних из них больше всего интересуют сами же люди, их характеры, душевные качества, настроения, склад мыслей и т. д.; других интересуют более всего идеи, а не люди. А. А. Заварзин относится ко второму типу, говорили некоторые знакомые в Перми. В этой характеристике верно только то, что А. А. Заварзин работал во имя идеи, но совершенно неверно то, что его якобы не интересовали люди. Если бы он был безразличен к людям, то он никогда для многих и многих не сделал бы того доброго, что он сделал, и никто бы никогда его не любил. Нельзя сказать, чтобы с ним всегда и во всех случаях жизни легко и просто; но не этим нужно было его мерить. К сожалению, это далеко не все и не всегда понимали, в том числе, разумеется, и я сам.

Несмотря на всяческие трудности, большую затрату времени на подготовку к лекциям (к ним Алексей Алексеевич готовился всегда подолгу), в это же время он начал систематический

Рис. 37. Группа профессоров Пермского государственного университета. Сидят (слева направо): А. А. Заварзин, А. И. Лушняк, А. А. Рихтер, П. В. Сюзов, А. Г. Генкель. Стоят: А. Н. Иванов, В. Н. Парин, В. Н. Шапшов, Ф. И. Абрамович, К. С. Долинов.

просмотр своих препаратов по брюшному мозгу личинки стрекозы. Еще в Нижней Курье на биологической станции он готовил дополнительные серии брюшной цепочки — к приготовленным ранее в Петрограде.

В конце декабря 1918 г. Пермь заняли белые; через нашу голову перекатился фронт, отрезавший нас от Москвы, Петрограда и близких. На улицах Перми появились какие-то французы в беретах, военные в английской форме. Часть студентов была мобилизована. Вскоре погиб молодой ботаник студент В. М. Федотов и ряд других. Помню, как мы нашли Валерьяна Федотова в покойницкой городской больницы среди других, привезенных с фронта. Он лежал весь заросший, с длинными, как у дьякона, волосами. На похоронах многие из нас плакали — нельзя было удержаться от слез при виде этой бессмысленной гибели. Эти и другие похороны очень врезались в память. Грохот пушек, отодвигавшийся от Перми все далее и далее на запад, месяца через полтора стал возвращаться. Однако лишь весной фронт снова вернулся к Перми и по приказу чехословацкого генерал-лейтенанта Гайда (много лет спустя его фамилия появилась в числе сподвижников Муссолини!) началась эвакуация всех учреждений из Перми. На университетский двор были привезены доски, стружки, и было велено все срочно упаковывать. Подробностей не помню, но, к счастью, ни один ящик из Перми не уехал, все университетское имущество осталось на месте и было распаковано по уходе фронта на восток. К счастью, так как иначе наверняка погибло бы все в хаосе, неразберихе и катастрофическом развале железнодорожного движения по всему великому сибирскому пути. Ящики не повезли, но всему университетскому личному составу, как и другим учреждениям, было предписано пешком отступить из Перми на восток. А. А. Заварзин захватил с собой свои препараты по нервной системе, взял коробочку своих первых препаратов и я. Печален был этот поход на восток. На станции Ляды нас посадили на открытые платформы (кажется, это было в первой половине июня), и мы поехали в неизвестность. Сначала нам объявили, что нас везут до Свердловска. Потом нас повезли дальше, как объявили нам, до Тюмени. Открытую платформу, на которой мы сидели, засыпало углем из паровоза, мне засорило глаз, он опух. Ехали мы сидя на каких-то брусках и досках, которые тоже «эвакуировались» куда-то в Сибирь. В Тюмени мы вышли в город. Меня поразило множество пьяных солдат около вокзала и впечатление какого-то развала: надвигается фронт, а тут пьянство и безобразие. Но, кроме того, конечно, хаос на железной дороге, да его и не могло не быть: как можно эвакуировать Урал по ниточке тогда одной железнодорожной колее, на которой растянулись в виде длинной очереди друг за другом поезда с разным скарбом и хламом, какие-то воинские поезда, пустые товарные составы, сцепленные друг с другом старые, ломаные ржавые паровозы и т. д. и т. д.

Братьев А. А. Заварзина — Александра и Георгия — с нами не было: они были в Красной Армии, не попали «под белых». Его сестра Елизавета Алексеевна в это время была где-то в каком-то госпитале медсестрой. Таким образом, в Сибирь эвакуировались кроме самого Алексея Алексеевича его первая жена М. И. Заварзина, с которой он собирался разводиться в ту пору, обе дочери и его старики родители.

Его семья была отправлена из Тюмени пароходом и, пропутешествовав вниз по Туре и вверх по Оби, таким путем добралась до р. Томи и Томска, куда в конце концов привезли и всех нас.

Мне почему-то запомнились невероятно обильный лет жуков (июньских хрущей) в вечерние часы, когда наш поезд полз по безбрежной западно-сибирской равнине. На станции Заводоуковская, перед Омском, эшелон постигло несчастье: во время купанья утонул от паралича сердца физик Г. Г. Вейхардт, москвич, большой любитель музыки, пианист. Это был рослый, молодой, очень прямолинейный, полный энергии человек. Смерть его очень поразила нас. В Омске состоялись похороны.

Омск произвел на меня сильное впечатление какой-то невероятной каши из военных, довольно многочисленных и бойких представителей тогдашней частной торговли, попросту говоря ловких спекулянтов; масса фланирующей публики, каких-то нарядных женщин, множеством рестораников, пьяных, пьяных и еще раз пьяных. Это был разгул разваливающегося тыла.

В Омске я отстал на 2 дня от эшелона, узнав, что его направляют в Томск и решив, что доберусь потом в одиночку, так как хотел повидать свою двоюродную сестру, учительницу. Сестру я повидал, но перед отъездом в Томск был принят за немецкого шпиона, снят с поезда и отконвоирован для допроса в какую-то чехословацкую часть. Меня отпустили.

В Томске я отправился в местный университет в поисках Пермского университета, т. е. его личного эвакуированного состава, да и то не полного, так как во время завоевания Урала колчаковскими войсками кое-кто находился в командировке в Москве и Ленинграде, часть студентов была за фронтом в Красной Армии, часть студентов была мобилизована белыми, часть вообще разбежалась неизвестно куда и т. д. В Томске пришлось жить сначала в здании патолого-анатомического института. Потом я поселился вместе с В. Н. Беклемишевым и Е. С. Данини на квартире у местного врача-невропатолога — фамилии не помню. Около этого времени Алексей Алексеевич получил развод с М. И. Завариной, при этом его младшая дочка Галя осталась у матери. Не помню деталей его женитьбы на М. А. Сабининой, ассистентке А. А. Рихтера. Помню только, что некоторые профессора, а в особенности их жены, не нашли ничего умнее, как объявить нечто вроде бойкота Алексею Алексеевичу и Марии Анатольевне. Наступила осень.

Профессора и преподаватели Пермского университета были включены в преподавание не только горсточке собственных студентов, но и студенчеству Томского университета. Алексей Алексеевич сидел в гистологической лаборатории старика Часовникова, в той самой лаборатории, которую когда-то основывал учитель А. А. Заварина Александр Станиславович Догель, один из основателей Томского университета. Кое-кто из профессоров Томского университета еще помнил А. С. Догеля. Сам Алексей Алексеевич упорно сидел над просмотром и протоколированием препаратов брышного мозга личинки стрекозы. По мере того как приходили известия о приближении фронта и Красной Армии, а это продвижение Красной Армии было стремительным, Алексей Алексеевич приходил во все более и более бодрое настроение и подсчитывал, сколько ганглиев он успеет рассмотреть и протоколировать до прихода советских войск.

Наука шла у него полным ходом. Но дома начиналась беда. Вскоре тяжело заболела жена. Как часто бывает в катастрофических случаях, не могли поставить диагноза. Болела поясница, спина, какие-то опоясывающие боли и т. д. С тех пор Мария Анатольевна уже не поправлялась, и было все хуже и хуже. Не помню точно когда, вероятно, уже в Перми, был поставлен окончательный диагноз — туберкулез позвоночного столба, который и привел ее к смерти через несколько лет. Еще летом чуть не умерла от тяжелой дизентерии мать Алексея Алексеевича, Анна Савельевна. Трудная, чуждая обстановка для университета и его профессуры, ухудшающееся снабжение, крайняя перегруженность города ранеными, беженцами, германскими военнопленными с первой империалистической войны; морозная зима, затруднения с топливом, полная оторванность от России, недовольство местного населения беженцами, сыпной тиф, обозы с трупами сыпнотифозных, нарастающий развал и дезорганизация колчаковского тыла; тяжелая семейная обстановка, когда старики родители, в особенности суровая и властная Анна Савельевна, с недоверием и явно недружелюбно смотрят на вторую жену, тяжело больную; необходимость все время подбавлять и выручать от попыток мобилизовать на военную службу в белую армию не только студентов, но и преподавателей университета, — такова обстановка, в которой в это время жил Алексей Алексеевич.

Сам я в это время с трудом написал свою первую статью, вернее ее черновик. В библиотеке Томского университета была литература за старые годы, я смог прочитать и проконспектировать ряд работ.

В декабре через наши головы снова перекатился фронт, на этот раз, наконец-то, навсегда. Подробностей не помню; с приближением Красной Армии в городе вспыхнуло восстание против колчаковских властей, и мы быстро воссоединились с Советской Россией. Мы по-прежнему продолжали преподавать в Томском университете. Но очень быстро была установлена связь с Перью. Алексей Алексеевич ликующий и радостный сообщил нам о том, что из Перми получен запрос от облисполкома о местонахождении личного состава университета и профессуры и о возможности скорейшего возврата в Пермь. Как выяснилось, профессора и преподаватели Пермского университета, находившиеся за фронтом и вернувшиеся из командировок в Пермь, возобновили работу университета в труднейших условиях, читая каждый день по несколько разных курсов. К работе в Перми были привлечены и новые преподаватели и некоторые из студентов, наиболее способных и энергичных. Стали приниматься служебные телеграммы в Пермь, а вскоре и частные. Я получил первое после двухлетнего перерыва письмо от отца из Архангельской области, из Вельска, до которого чуть не докатился фронт интервентов и белых войск со стороны Архангельска. Но еще долго тянулись сквозь Томск какие-то лошади каких-то беженцев. В 45-градусный сибирский мороз за санями со скарбом шли какие-то люди с ногами, обмотанными соломой и мешками, напоминавшими скорее тумбы, чем ноги. Еще не унимался сыпной тиф, но уже начиналась реэвакуация. Я не помню всех подробностей, помню, что вперед в Пермь поехали А. А. Заварин и профессор М. Д. Федотов. Последний вскоре по приезде заболел в тяжелой форме сыпным тифом. Таким образом, реэвакуация кафедр гистологии и зоологии была проведена силами ассистентов. Она была трудна эта реэвакуация; всем хотелось ехать назад как можно скорее. Но не хватало железнодорожных составов и других технических возможностей для реэвакуации, по железной дороге

свирепствовал по-прежнему сыпной тиф, не могло не быть и продовольственных затруднений. Наконец, в марте мы начали погрузку в теплушки. Они были предварительно прокурены для дезинфекции серой, щипало нос сернистым газом. У некоторых из профессоров был довольно большой скарб, который грузить как-то было некому, особенно ввиду срочной погрузки. Хорошо помню, что на этой погрузке разных чужих вещей основательно поработали Ф. М. Лазаренко, профессор И. М. Виноградов (ныне академик), всегда отличавшийся огромной физической силой, а также я. После этой погрузки я в течение нескольких дней с трудом мог разогнуть спину и снять и надеть на себя пальто. В организационных хлопотах много помогли А. И. Луньяк и А. А. Рихтер. Наконец, около 20 марта мы тронулись. Миновали станцию «Тайгу», и эшелон постепенно пополнился на запад по великому сибирскому пути. Семья Заварзиных ехала без своего главы (который был в это время в Перми), имея в своем составе стариков и тяжело больную Марию Анатольевну.

Наконец, помнится 20 апреля, эшелон подошел к Перми. Алексей Алексеевич, встретивший нас и всех нас обложивший, вынес на руках свою больную жену из вагона.

В Перми нас встретили очень хорошо, но и поработать весну пришлось тоже хорошо. Было много студентов медиков, было много педагогики, мы вели практические занятия по 5—6 групп в день и были заняты с 9 утра до 11 вечера. Жили сначала частью по лабораториям, в том числе и я. Однажды, уже в мае, я заснул на столе у открытого окна в заморозок и утром проснулся сильно застуженный: должно быть был сильнейший приступ какого-то мышечного ревматизма или что-то вроде этого, так как я не мог ни согнуться, ни разогнуться и имел, вероятно, очень жалкий вид. Меня вылечил Алексей Алексеевич, предписав мне выпить изготовленное им лекарство под названием «ЛАМПОПО». Это был стакан водки +1 грамм хины +1 грамм аспирина, после чего я был уложен под тулуп и под все теплые пальто, которые сумел мобилизовать Алексей Алексеевич. Наутро я встал совершенно ошалелый, чуть живой от этого лечения, но выздоровел сразу же.

Начался 1920/21 учебный год. А. А. Заварзин продолжал свое деканство на медицинском факультете. Оно было очень сложно и полно хлопот. Приходилось хлопотать о новых клиниках, вести бесконечные переговоры со здравотделом и другим начальством по поводу помещений «на базе больницы», оборудования, медперсонала и т. д. Алексей Алексеевич начинал тяготиться нагрузкой не по прямой специальности — он был биолог, а не клиницист. Надо было добывать профессоров, притом таких, чтобы они были не только хорошими врачами, но и организаторами, а также хорошими учеными. На беду на Волге и Каме был недород, снова продовольственные затруднения, притом довольно тягостные. Кажется, в это время Заварзины переехали из квартиры в главный корпус на Заимке в малый минералогический корпус на 2-м этаже. При всяких переездах мы, естественно, всегда помогали друг другу, так было и на этот раз.

Живо помню, как мы обвязали с Лазаренко верхнее отделение большого буфета, освобожденного заботливой Анной Савельевной от посуды, и перенесли его; потом принялись за нижнее, более просторное. Лазаренко скомаандовал: «Ну, Юрочка, навались!» В этот момент раздался грохот и зов: Анна Савельевна забыла вынуть какие-то большие блюда, и от них остались одни черепки...

Я поселился на мансарде этого же малого корпуса вместе с П. Г. Светловым и Д. Е. Харитоновым. Лазаренко и Данини жили на мансарде большого корпуса. Бедный А. Я. Колачев не вернулся из Сибири. Еще в Томске у него начался туберкулезный перитонит, А. Я. был отправлен для лечения на Алтай и скончался в Бийске летом 1920 г. Лазаренко ездил туда для вывоза его семьи.

В это время Алексей Алексеевич полным ходом занимался работой над центральной нервной системой артропод, просматривая и протокколируя свои многочисленные серии препаратов, в значительной степени изготовленных ранее, частью еще в Петрограде. По своей живости и общительности он часто звал к себе нас, показывая наиболее интересные и красивые. А его препараты, за ними рисунки, были очень красивы. Все это действовало на нас, и на меня в частности, заражающе и бодряще.

Осенью в Пермь приехали и поступили на сельскохозяйственный факультет и в лаборантки к А. А. Рихтеру две студентки — Н. П. Преображенская, впоследствии моя жена, и И. А. Четыркина, впоследствии сотрудница Зоологического института АН СССР. Они часто бывали в нашей гистологической лаборатории, по преимуществу у меня, что дало повод сочинить Алексею Алексеевичу и его братьям очень забавное литературное произведение, превосходно иллюстрированное братом Алексея Алексеевича, Александром. Действующими лицами в этом произведении был гистолог (т. е. я), блондинка и брюнетка (вышеупомянутые лаборантки), личинка жука-носорога, метиленовая синька и крысы, в тот год буквально наводнившие Заимку и причинявшие нам в лаборатории массу огорчений.

В январе 1921 г. я поехал с А. А. Заварзиным в Москву по делам медицинского факультета; шли хлопоты относительно оборудования и хлопоты по добыванию клиницистов. В Москве мы жили в каком-то промороженном доме при температуре от 0 до 3 градусов тепла и очень мерзли. Вдобавок меня угорадило где-то поскользнуться и так хлопнуться оземь, что мне пришлось перебинтовать косынку руку, и я был не столько помощником, сколько обузой. Закончив дела в Москве, мы отправились в Петроград. Предстояло вывезти в Пермь на кафедру гинекологии и акушерства профессора Курдиновского, жившего в то время на Пороховых, где он работал в местной лечебнице. Я ходил туда пешком от Дома ученых, где остановился, помогал Курдиновскому паковать его скарб и библиотеку, ходил с Пороховых пешком же на станцию Ржевка, где должна была быть погрузка вещей в вагон и т. д. Петроград в то время был занесенный снегом, холодный, темный. Тогда же по поручению А. А. я посетил профессора Военно-медицинской академии А. А. Максимова в связи с закупкой у него для гистологической лаборатории Пермского университета комплектов иностранных научных журналов. Как я понял впоследствии, Максимов ликвидировал свое имущество, по-видимому, в связи с отъездом за границу, куда он вскоре эмигрировал.

Необыкновенно тепло и отчески радушно меня встретил А. С. Догель, которому Алексей Алексеевич, по-видимому, похвалил меня. «Старый Догель» жаловался на трудную обстановку

в анатомо-гистологическом кабинете, именно на отсутствие дружбы между его помощниками и старыми учениками профессорами А. В. Немилковым и Д. И. Дейнекой и в буквальном смысле слова со слезами на глазах говорил о талантливости и совсем особенных душевных качествах А. А. Заварзина.

А. А. Заварзин выехал в Пермь раньше меня, я поехал вдогонку уже после того, как отправил в Пермь разные грузы.

Весна 1921 г. особенно памятна мне. Несмотря на продовольственные и одежные трудности, я работал изо всех сил, подбадриваемый и Заварзиным, и прекрасным собственным настроением, и известным успехом в самой работе. Спал я в это время в течение 2—3 месяцев по 4—5 часов, а то и меньше и успел очень много сделать. Кажется в этом же году были первые неврологические доклады Алексея Алексеевича. Они всегда были проиллюстрированы не только препаратами и пояснительными к ним рисунками, но и превосходными стенными таблицами, которые всегда выглядели очень живо и очень «препаратно». К тому же они были очень красивы, эти пояснительные таблицы, я бы сказал, неотразимы. Это даже дало повод любителю позубоскалить доценту Д. А. Сабинину связать в шутку, что в них чуть ли не больше эстетики, чем науки, за что он и был тоже в шутку, но довольно изрядно бит.

Весна 1921 г. мне памятна многим. Двигалась вперед (наконец-то!) собственная научная работа. Приступили к посадке картошки (раньше не гадаливались...). Всем были выделены участки, Заварзиным довольно большой по их многосемянности. Алексей Алексеевич работал на огороде, не покладая рук, с увлечением, характерным для него, когда он брался за что-нибудь основательно. Меня даже досада брала; ни о чем, кроме картошки, слышать не хочет, непрестанно говорит о своем огороде — сколько посадит, сколько наверно вырастет, какой сорт. Ни препарата не покажет нам, ни совета не спросить...

Лето 1921 г. я провел в Вельске Архангельской области у отца, куда увез с собой ящик с личинками жуков-носорогов, из которых и наделал серию удачных препаратов. Оттуда я вздумал написать Алексею Алексеевичу балагурное письмо с какими-то карикатурами. Письмо попало к Алексею Алексеевичу в тот самый момент, когда он обнаружил какие-то с моей стороны оплошности в лаборатории, притом такие, от которых зависела его собственная работа. Куда-то я задевал метиленовую синьку, какие-то иглы от шприцев и т. д. Шуму было, по-видимому, много, и еще осенью, когда я вернулся в Пермь, Алексей Алексеевич, откашливаясь и крикая, вспоминал мне этот проступок.

Я приехал из Вельска с большой рыжей бородой и с наголо обритой головой. Алексей Алексеевич, увидев меня, запел патетически: «Что с тобою, Герман?»

Дома у него не все было ладно. Болела Мария Анатольевна, поскрипывала, хмурилась Анна Савельевна. Алексей Алексеевич оставил в это время деканство на медицинском факультете и сделался деканом биологического. Секретарем факультета был в это время Б. В. Властов. Около этого же времени был основан биологический научно-исследовательский институт при Пермском университете, первым директором института был профессор Б. Ф. Вериго. В состав института, работавшего на базе биологических лабораторий университета и биологической станции в Нижней Курье, наряду с другими биологами вошли и все ассистенты А. А. Заварзина. Институт сначала не имел никакого печатного органа. Он вскоре, однако, появился в виде «Бюллетеней», и вот с чего это началось. Как-то в комнате у Ф. М. Лазаренко собралось несколько человек биологов, в том числе только что вернувшийся из поездки в Москву ассистент по кафедре нормальной анатомии, позднее профессор хирург Военно-медицинской академии в Ленинграде, В. Г. Вайнштейн. Он привез с собой какие-то журналы, кажется «Япоть», или какой-то другой юмористический журнал, вроде нынешнего «Крокодила». Зашла речь о том, что ведь вот можно же в самом деле печатать, почему бы и нам не печатать хоть что-нибудь. Вскоре после этого Биологический институт стал хлопотать перед облсполкомом о выпуске «Бюллетеней», и в конце концов, кажется летом 1922 г., был сверстан и вскоре вышел первый номер «Бюллетеней», в котором были помещены наши краткие гистологические статьи. Этот первый выпуск стоил совершенно невероятных хлопот, выпавших главным образом на плечи А. А. Заварзина, зоолога А. А. Любичева и некоторых других наиболее активных сотрудников института. Но начало было сделано, и впоследствии тонкие в голубой обложке выпуски этого «Бюллетеня» получили широкое распространение не только в СССР, но и за границей, откуда в обмен стало поступать много разнообразной литературы.

Приблизительно к этому же времени относятся разногласия, возникшие среди профессуры биологического и медицинского факультетов по ряду организационных вопросов и горячие споры между группировками клиницистов и теоретиков.

В это время биологические кафедры Пермского университета по своему оборудованию могли бы конкурировать с лучшими столичными. В гистологической лаборатории было 40 учебных микроскопов, около 15 иммерсионных, серия микротомов, термостатов, значительное количество реактивов, посуды, справочная библиотека, довольно недурная дружная компания во главе с Заварзиным. Подрастали и молодые специалисты, некоторые потом сделались преподавателями и работниками в науке. Хорошо дело шло и в других биологических лабораториях, на кафедре зоологии у профессора Д. М. Федотова, на кафедре морфологии и систематики растений у проф. А. Г. Генкеля и на кафедре физиологии растений у профессора А. А. Рихтера (впоследствии академика АН СССР). Во всех этих лабораториях было также по 40 учебных и по 15 иммерсионных микроскопов со всем essentialным оборудованием, необходимым для педагогики и научной работы, и везде был хороший состав преподавателей. Из них следует упомянуть профессоров А. О. Таусон, Д. Е. Харитонов, В. Н. Беклемишева, впоследствии члена Академии медицинских наук, Б. В. Властова — из кафедры зоологии; профессора Д. А. Сабинина, А. М. Шелаумов, П. Н. Красовского, Алексея (фамилии других не помню) — из кафедры физиологии растений А. А. Рихтера; В. С. Порецкого, скончавшегося во время блокады Ленинграда, крупного специалиста по диатомеям — и доцентов П. В. Сюзева и Павского по кафедре профессора А. Г. Генкеля.

Но назревали большие перемены. Пришло известие об уходе из Военно-медицинской Академии

А. А. Максимова с кафедры гистологии. Помню, как один из клиницистов, психиатр, профессор В. П. Протопопов (позднее академик АН УССР), совершенно твердо заявил по этому поводу, что теперь Алексей Алексеевич наверняка уйдет в Военно-медицинскую академию. Нам, его ассистентам, не представлявшим себе ни Пермского университета, ни нашей лаборатории, ни самим себя без Заварзина, это показалось невероятным. Однако жизнь есть жизнь, и вполне понятно, что Алексей Алексеевич в конце концов поехал в Военно-медицинскую академию. Именно в конце концов, так как этому предшествовала мучительная внутренняя борьба в душе Алексея Алексеевича. И он для Пермского университета, и университет для него значили слишком много, чтобы можно было легко решиться на разрыв. А. А. Заварзин считал себя нравственно обязанным перед теми людьми, которых он собрал около себя, вовлек в общее для всех дело, заставил полюбить университет даже тех, кто первично к нему был по тогдашним условиям довольно холоден, полюбил сам этих людей. Все это не требовало больших пояснений, и всем было ясно. Но ясно было и то, что нельзя удерживать человека — крупного ученого и организатора, ученого-общественника, несомненно не только имеющего все права на пребывание в большом научном центре, но в известной мере и обязанного прийти в него по всей конъюнктуре. И А. А. Заварзин решил принять участие в конкурсе. Подробности я не помню, но мне запомнилась трепка нервов, испытанная Алексеем Алексеевичем, когда почему-то выяснилось было, что из перехода в Петроград ничего не выходит. Но потом решилось все в положительном смысле, и он должен был ехать.

Как всегда в таких случаях, были устроены проводы. Но это были совсем особенные, таких мне не приходилось видеть, хотя в Перми, откуда постепенно уезжали многие профессора «первого призыва», проводов было много. Алексею Алексеевичу говорились, как полагается, напутственные слова, добрые пожелания, приносились благодарности за все хорошее, сделанное им для университета, профессоров и преподавателей, для студенчества. Особенно трогательны были прощальные слова студентов. Алексей Алексеевич стоял за кафедрой и плакал, как маленький ребенок. Вдобавок к своей обычной нервности он за это время был измотан не только миллионом терзаний по поводу своего ухода из Перми, но и ухудшающимся состоянием жены, да, пожалуй, и всей домашней обстановкой. Впрочем, не это было главное, а совершенно исключительной силы привязанность к университетской молодежи, которую он очень любил, притом с полной взаимностью. На банкете с пирогами домашнего печенья, виногретами, цветами и всякой всячиной говорилось много всяких речей. Конечно, я их не помню всех. В. Н. Беклемишев в своем прощальном слове сравнил Алексея Алексеевича с Биша, на что Алексей Алексеевич сконфууженно сказал, считая себя недостойным этого сравнения, что «это в конце концов свиństwo», что вызвало немалый смех. А химик Луньяк сказал следующее: «Вот мы все здесь говорим, что мы понимаем, ценим, видим, желаем, предвидим для Алексея Алексеевича и т. д., и т. д. И ничего мы не знаем, и ничего мы не видим, и ничего мы не предвидим: просто мы все очень любим Алексея Алексеевича и желаем ему всего хорошего!»

* * *

Алексей Алексеевич уехал в Пермь совсем молодым профессором после двухлетней доцентуры в Петроградском университете. За несколько лет пребывания в Перми он не только был одним из главных основателей Пермского университета, но и сумел в труднейшей обстановке того времени при огромной научно-организационной и педагогической нагрузке вырасти сам научно и вырастить ряд учеников. Приходится поражаться его феноменальной силе духа и совершенно несокрушимой энергии. Не останавливаясь на научном анализе его работ, отмечу лишь, что некоторые основные его научные концепции развились именно в пермский период.¹ Нагрузка, которую он нес на себе в то время, была бы достаточна для трех солидных и энергичных работников. Он не боялся никакой работы, даже самой черновой, и никаких трудностей. Это всегда действовало на всех заражающе, не позволяло никому думать о том, обязан или не обязан кто-либо выполнять работу, не всегда интересную или легкую. Алексей Алексеевич владел одинаково хорошо всем: топором, паяльником, метелочной сынковой, деканатом, а главное — у него был полный контакт со своими товарищами и помощниками. Теперь, когда прошло много лет с тех пор, когда приходится стоять перед разнообразными трудностями жизни, науки и ее организации, всегда вспоминаешь Пермь и Заварзина.

Ю. А. Орлов

¹ В Перми А. А. Заварзин завершил и подготовил к печати второе свое большое классическое исследование на туловищном мозге личинки стрекозы. Здесь же им была подготовлена первая формулировка теории параллелизма (публикуемая впервые на русском языке в данной книге). В Перми под руководством А. А. Заварзина была начата серия нейрогистологических исследований по периферической и вегетативной нервной системе насекомых (Орлов) и реактивному новообразованию соединительной ткани у членистоногих (Лазаренко, Данини). (*Прим. ред.*).